

Ссылка для цитирования этой статьи:

Алиева Э.Б., Гаврилов А.С. Административно-правовой механизм противодействия коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 2. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_2/Alieva.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-2a-6.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Алиева Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Гаврилов Адам Соломонович

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. В статье исследуется административно-правовой механизм противодействия коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти. Обосновывается, что повышенная коррупционная уязвимость контрольной сферы обусловлена сочетанием властно-распорядительных полномочий должностного лица, наличием дискреции при выборе варианта правоприменительного решения и постоянным взаимодействием с контролируемыми лицами. Рассматриваются нормативные, организационные и процедурные средства предупреждения коррупции, включая антикоррупционные стандарты служебного поведения, предупреждение и урегулирование конфликта интересов, антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, оценку коррупционных рисков, цифровизацию контрольных процедур и общественный контроль. Формулируется вывод о необходимости отраслевой детализации антикоррупционных требований применительно к контрольно-надзорному производству. Предлагаются меры по совершенствованию ведомственного нормотворчества и правоприменения, направленные на

снижение коррупционных рисков, повышение прозрачности контрольных процедур и усиление внешней проверяемости решений контрольно-надзорных органов.

Ключевые слова: коррупция, государственный контроль, конфликт интересов, коррупционные риски, антикоррупционная экспертиза, общественный контроль.

Введение

Реформирование контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации сопровождается изменением процедур государственного контроля, внедрением профилактических мероприятий, развитием риск-ориентированного подхода и расширением цифровых форм взаимодействия государства с подконтрольными субъектами. Вместе с тем эффективность указанных преобразований в значительной степени зависит от того, насколько последовательно в контрольной сфере обеспечивается предупреждение коррупции. Для контрольно-надзорных органов эта задача имеет принципиальное значение, поскольку именно они реализуют публично-властные полномочия, затрагивающие права и законные интересы граждан и организаций, а также применяют меры реагирования в связи с нарушением обязательных требований.

В научной литературе обоснованно подчеркивается, что противодействие коррупции не может сводиться исключительно к мерам уголовно-правового характера. Право должно обеспечивать комплексное предупреждение коррупционных проявлений, включая ограничение необоснованного усмотрения, установление процедурных гарантий, развитие механизмов контроля за деятельностью должностных лиц и создание правовых препятствий для использования публичной функции в частных интересах [10, с. 39-52]. Для контрольно-надзорной деятельности такой подход особенно важен, поскольку коррупция в данной сфере проявляется не только в форме очевидных противоправных сделок, но и в деформации административных процедур, селективном правоприменении, необоснованном выборе мер реагирования и ином неправомерном воздействии на результат контрольного мероприятия.

Коррупционная уязвимость контрольно-надзорной сферы обусловлена рядом объективных факторов. Во-первых, должностное лицо контрольно-надзорного органа наделено властно-распорядительными полномочиями, результат реализации которых непосредственно влияет на имущественное положение, деловую репутацию и хозяйственную деятельность контролируемого лица. Во-вторых, значительная часть решений в контрольной сфере принимается в условиях определенной дискреции. В-третьих, сама природа контрольной и надзорной деятельности предполагает постоянное взаимодействие инспектора

с представителями подконтрольных субъектов. В совокупности это создает устойчивые предпосылки для возникновения коррупционных рисков [9, с. 100-110].

Материалы и методы

Методика настоящего исследования основана на использовании формально-юридического, системно-структурного, сравнительно-правового и функционального методов. Нормативную основу составили Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», а также подзаконные акты и ведомственные документы, регулирующие оценку коррупционных рисков и организацию антикоррупционной работы [1-5]. Теоретическую основу исследования составили труды ученых, посвященные сущности коррупции, антикоррупционной политике, конфликту интересов, служебному поведению государственных служащих, общественному контролю и цифровизации контрольно-надзорной деятельности [6-19]. Эмпирическую основу составили ведомственные карты коррупционных рисков и данные судебной статистики по делам об административных правонарушениях [20-27].

Результаты и обсуждение

Административно-правовой механизм противодействия коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов представляет собой систему взаимосвязанных правовых и организационных средств, направленных на предупреждение коррупционных проявлений, выявление коррупционно опасных ситуаций, ограничение условий для злоупотребления полномочиями и обеспечение проверяемости решений должностных лиц. В отличие от общего антикоррупционного регулирования, ориентированного на универсальные запреты, ограничения и обязанности, данный механизм имеет выраженную отраслевую специфику. Она определяется процедурным характером контрольной деятельности, необходимостью фиксации результатов контрольного мероприятия, юридическим значением актов, предписаний и иных решений, а также наличием устойчивых коррупционных рисков на отдельных стадиях контрольно-надзорного производства.

Базовое значение для рассматриваемой сферы имеет Федеральный закон «О противодействии коррупции», закрепляющий общие меры предупреждения коррупции,

включая предотвращение и урегулирование конфликта интересов, установление ограничений и запретов, требования к служебному поведению, а также развитие антикоррупционных механизмов в деятельности государственных органов [3]. Однако применительно к контрольно-надзорной деятельности указанные меры нуждаются в отраслевой конкретизации. Федеральный закон № 248-ФЗ детально регламентирует виды контрольных и профилактических мероприятий, полномочия должностных лиц, правовой режим взаимодействия с контролируемыми лицами и требования к процессуальному оформлению результатов контроля [4]. Именно в рамках таких процедур возникает необходимость согласования общего антикоррупционного регулирования с конкретными стадиями контроля и надзора.

Существенное значение имеет и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. В соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ и Методикой, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации № 96, антикоррупционная экспертиза направлена на выявление коррупциогенных факторов, создающих условия для необоснованного усмотрения, исключений из общих правил, недостаточной определенности прав и обязанностей, а также иных дефектов нормативного регулирования [1], [2]. Для контрольно-надзорной сферы такое значение особенно велико, поскольку именно обязательные требования, процедурные регламенты и ведомственные акты зачастую формируют те нормативные условия, в которых впоследствии реализуется усмотрение должностного лица.

Основные причины и условия проявления коррупции в деятельности контрольно-надзорных органов необходимо рассматривать как в нормативном, так и в организационно-процедурном аспекте. В нормативном аспекте коррупциогенность выражается в использовании неопределенных оценочных категорий, отсутствии четких критериев выбора меры реагирования, наличии коллизий и дублирования обязательных требований, а также в недостаточной регламентации мотивировки решений. В организационном аспекте коррупционные риски усиливаются при слабой прозрачности контрольных процедур, формальном кадровом отборе, недостаточном внутреннем контроле, отсутствии действенных механизмов фиксации контактов должностных лиц с контролируемыми субъектами и формальном подходе к оценке коррупционных рисков [14, с. 19].

Представляется обоснованным различать неустраняемые и устранимые коррупционные факторы. К числу неустраняемых относятся властно-распорядительный характер полномочий инспектора и обусловленное законом взаимодействие с подконтрольными лицами. Их невозможно устранить без ликвидации самой контрольной функции государства. Поэтому

значение приобретает не устранение таких факторов как таковых, а формирование компенсаторных механизмов: стандартизация процедур, обязательная фиксация действий должностного лица, полнота мотивировки решений, цифровой след управления, разделение функций между участниками принятия решений. К устранимым факторам относятся избыточная сложность обязательных требований, недостаточная открытость деятельности органов контроля, поверхностная антикоррупционная подготовка кадров и слабая связь между картами коррупционных рисков и реальными процедурами контрольно-надзорного производства.

Оценка коррупционных рисков в контрольно-надзорной сфере должна носить не формальный, а функциональный характер. Ведомственные карты коррупционных рисков имеют значение лишь тогда, когда они позволяют выявить конкретную коррупционно опасную функцию, стадию процедуры, документы, в которых материализуется риск, и меры, способные реально ограничить возможность неправомерного воздействия на итоговое решение. Между тем действующая практика нередко сводится к закреплению общих формул о необходимости контроля, инструктажа и профилактических мероприятий без достаточной привязки к конкретным этапам контроля и надзора [20], [21]. Такой подход снижает практическую ценность карт коррупционных рисков и не позволяет рассматривать их как эффективный инструмент предупреждения коррупции.

Одним из центральных элементов административно-правового механизма противодействия коррупции выступают антикоррупционные стандарты служебного поведения. В юридической литературе они рассматриваются как особая категория, направленная на закрепление типовых моделей должного поведения в ситуациях, связанных с коррупционной опасностью [13, с. 22-27]. Значение таких стандартов состоит в том, что они не просто воспроизводят абстрактные законодательные запреты, а конкретизируют допустимое и недопустимое поведение государственного служащего в типовой служебной ситуации. Применительно к контрольно-надзорной деятельности это требует выработки специального отраслевого стандарта поведения инспектора.

Такой стандарт должен включать правила официальной коммуникации с контролируемым лицом, запрет нефиксируемых взаимодействий по вопросам, связанным с подготовкой и проведением контрольного мероприятия, требования к полноте и объективности документирования установленных обстоятельств, порядок действий при предложении неправомерного вознаграждения, алгоритмы уведомления о личной заинтересованности и самоотвода, а также требования к мотивировке принятых решений. Как справедливо отмечается в литературе, антикоррупционный стандарт не должен

ограничиваться перечислением запретов, его задача состоит в снижении неопределенности поведения в коррупционно опасной ситуации [11, с. 26-33]. Для контрольно-надзорной сферы это особенно важно, поскольку именно неопределенность процедуры и широкий выбор вариантов реагирования часто становятся условием для злоупотребления полномочиями.

Эффективность антикоррупционных стандартов возрастает тогда, когда они соединяются с организационными механизмами внутреннего контроля. Речь идет о разделении функций по подготовке, проверке и утверждению решений, применении правила двойной проверки наиболее значимых правоприменительных актов, ротации должностных лиц на коррупционно опасных участках, обязательном служебном обучении по вопросам профессиональной этики и конфликта интересов, а также об оценке соблюдения стандарта в ходе аттестации и служебных проверок. В противном случае стандарт рискует остаться декларативным ведомственным документом, не оказывающим реального воздействия на поведение должностных лиц.

Особое место в рассматриваемом механизме занимает предупреждение и урегулирование конфликта интересов. В доктрине справедливо указывается на сложность данной категории, ее оценочный характер и трудности практического выявления [12, с. 125]. Для контрольно-надзорных органов конфликт интересов представляет повышенную опасность, поскольку инспектор принимает решения, способные повлиять на правовое и фактическое положение конкретных организаций и граждан. При этом личная заинтересованность может выражаться не только в прямой имущественной выгоде, но и в родственных, корпоративных, деловых и иных связях с представителями контролируемого лица.

В этих условиях особое значение имеют своевременное уведомление о личной заинтересованности, достоверность представляемых сведений, процедурная формализация самоотвода и наличие в органе власти специализированной антикоррупционной инфраструктуры. Для контрольно-надзорных органов целесообразно не ограничиваться только общими кадровыми подразделениями, а формировать устойчивые внутренние механизмы мониторинга коррупционно опасных функций, анализа кадровых рисков и единообразного разрешения ситуаций, связанных с конфликтом интересов. К числу таких функций относятся назначение и проведение контрольных мероприятий, подготовка предписаний и актов, выбор мер реагирования, рассмотрение жалоб и взаимодействие с экспертными организациями.

Важным направлением предупреждения коррупции является антикоррупционная экспертиза ведомственного нормотворчества. Именно на уровне подзаконных и

ведомственных актов нередко закрепляются процедурные решения, существенно влияющие на усмотрение должностного лица. При этом формальное проведение экспертизы без углубленного анализа коррупциогенных факторов не обеспечивает реального предупреждения коррупции. Представляется, что акты, содержащие обязательные требования и непосредственно регулирующие деятельность контрольно-надзорных органов, требуют более высокого стандарта антикоррупционной оценки, включая внешнюю проверяемость экспертных выводов и содержательную мотивировку выводов об отсутствии коррупциогенных факторов. Такая постановка вопроса соответствует общему смыслу законодательства об антикоррупционной экспертизе, ориентированного не на формальное соблюдение процедуры, а на реальное устранение условий для неправомерного усмотрения [1], [2].

Самостоятельным элементом административно-правового механизма противодействия коррупции в контрольной сфере выступает юридическая ответственность за нарушения порядка осуществления контроля и надзора. Ее значение не исчерпывается наказанием за уже совершенное правонарушение. В данной сфере ответственность должна рассматриваться и как превентивный инструмент, обеспечивающий дисциплинирование должностных лиц и укрепление режима законности в контрольно-надзорной деятельности. В литературе справедливо отмечается, что административная ответственность субъектов контрольно-надзорной деятельности обладает существенным профилактическим потенциалом [16, с. 102-116]. Вместе с тем результативность такого механизма зависит от того, насколько фактически применяемые санкции способны формировать устойчивую практику соблюдения процедурных требований, а не воспринимаются как формальное сопровождение контрольной реформы.

Значительный антикоррупционный потенциал имеет цифровизация контрольно-надзорной деятельности. Ее значение состоит не только в автоматизации отдельных административных операций, но и в том, что она позволяет сократить объем нефиксируемых контактов между должностным лицом и контролируемым субъектом, обеспечить электронную фиксацию действий и решений, повысить прозрачность процедур и расширить возможности последующего контроля [7, с. 62-78], [8, с. 32-56]. Цифровые технологии позволяют повысить воспроизводимость правоприменительных процедур и тем самым ограничить пространство для произвольного выбора решения вне установленных критериев.

Однако цифровизация не исключает коррупционные риски автоматически. Напротив, она способна порождать новые формы злоупотреблений, связанные с манипулированием данными, выборочным внесением сведений в информационные системы, искажением

цифрового следа и использованием технических средств в обход целей правового регулирования. Поэтому цифровизация в антикоррупционном измерении должна сопровождаться правовой регламентацией доступа к данным, стандартизацией процедур внесения и обработки информации, а также развитием аналитических средств выявления аномалий в контрольной деятельности. Перспективным направлением является использование информационно-аналитических инструментов, позволяющих выявлять повторяющиеся отклонения в выборе мер реагирования, нетипичные временные интервалы в прохождении процедуры, разрывы в фиксации решений и иные индикаторы возможного коррупционного поведения.

Необходимым условием эффективности противодействия коррупции в контрольной сфере является взаимодействие государства с институтами гражданского общества. Общественный контроль в данном случае следует рассматривать не как факультативное дополнение к внутренним антикоррупционным механизмам, а как самостоятельный способ внешней проверки деятельности органов публичной власти. В научной литературе общественный контроль обоснованно раскрывается как форма участия граждан в управлении делами государства и как средство обеспечения законности [15, с. 37-42], [18, с. 29-35]. Применительно к сфере противодействия коррупции его значение заключается в снижении латентности коррупционных практик, получении внешней оценки деятельности органов власти и выработке дополнительных гарантий открытости принятия решений.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепляет правовые основы участия граждан и их объединений в осуществлении общественного контроля [5]. Для контрольно-надзорной сферы наибольшее значение имеют общественная проверка, общественная экспертиза и иные формы получения внешней информации о реализации контрольных полномочий. Как отмечается в литературе, общественная экспертиза способна выполнять функцию внешней оценки решений и действий органов публичной власти в антикоррупционной сфере [17, с. 1168-1183]. В свою очередь, общественная проверка обладает значительным потенциалом при условии ее процедурной определенности и доступности результатов [19, с. 1-13].

Перспективным направлением представляется институционализация участия общественных инспекторов в отдельных видах контрольной деятельности. В научной литературе общественный инспектор рассматривается как самостоятельный участник общественного контроля, способный обеспечивать сбор информации, фиксацию фактов и внешнюю оценку публично значимой деятельности [6, с. 155-160]. В настоящее время участие таких субъектов в контрольной сфере носит фрагментарный характер. Между тем

законодательное определение их процессуального статуса, прав и обязанностей, требований к независимости, порядку предупреждения конфликта интересов и форм фиксации результатов участия могло бы повысить прозрачность отдельных контрольных процедур и снизить риск их формализации.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что специфика контрольно-надзорной деятельности предопределяет необходимость отраслевой конкретизации общего антикоррупционного законодательства. Универсальные меры противодействия коррупции, закрепленные в федеральных законах, должны быть адаптированы к стадиям контрольного производства, полномочиям инспектора и типовым ситуациям взаимодействия с контролируруемыми лицами.

Приоритетное значение в данной сфере имеют развитие специальных антикоррупционных стандартов служебного поведения, повышение качества оценки коррупционных рисков, усиление процедур предупреждения конфликта интересов, совершенствование антикоррупционной экспертизы ведомственных актов, развитие цифровых механизмов фиксации контрольных действий и расширение возможностей общественного контроля.

Ожидаемый практический эффект от реализации указанных подходов заключается в снижении числа нефиксируемых контактов между должностными лицами и контролируемыми субъектами, повышении качества мотивировки правоприменительных решений, укреплении внутреннего и внешнего контроля за контрольно-надзорной деятельностью, а также в формировании более устойчивого режима законности в сфере государственного контроля и надзора. В конечном счете это должно способствовать укреплению доверия к органам исполнительной власти и повышению результативности антикоррупционной политики государства.

Список литературы

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.
2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 20.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084.

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.
4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
6. Филиппова Н.А. Общественный инспектор как участник общественного контроля // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 2(20). С. 155-160.
7. Курындин П.А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 62-78.
8. Мартынов А.В. Влияние цифровой трансформации на контрольно-надзорную деятельность органов исполнительной власти // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции памяти В.М. Манохина (8 июня 2021 г., Саратов). Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. С. 32-56.
9. Зырянов С.М. Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 100-110.
10. Тихомиров Ю.А., Трикоз Е.Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5(125). С. 39-52.
11. Костенников М.В., Куракин А.В. Антикоррупционные стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4(13). С. 26-33.
12. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.
13. Нестеров А.И. Антикоррупционный стандарт – новая категория российской правовой системы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2. С. 22-27.
14. Едкова Т.А., Кичигин Н.В., Ноздрачев А.Ф. [и др.]; Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти: научно-практическое пособие / отв. ред. Ноздрачев А.Ф. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2021. 184 с.

15. Бердникова Е.В. Правовые подходы к определению общественного контроля // Современное право. 2016. № 3. С. 37-42.
16. Селезнев А.В. Административная ответственность субъектов контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 102-116.
17. Кабанов П.А. Общественная экспертиза как форма общественного контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовой анализ // Политика и общество. 2014. № 10. С. 1168-1183.
18. Ярынцев И.М. Сущность и понятие общественного контроля как механизма участия граждан в управлении делами государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 3. С. 29-35.
19. Малиновский О.Н., Гончаров В.В., Петренко Е.Г. Общественная проверка как форма общественного контроля в Российской Федерации: современные проблемы и перспективы развития // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 1. С. 1-13.
20. Карта коррупционных рисков и мер по их минимизации Федеральной службы по труду и занятости: утв. приказом Роструда от 31.10.2018 № 361-к.
21. Карта коррупционных рисков МЧС России и мер по их минимизации при осуществлении надзорных и контрольных функций, отнесенных к компетенции МЧС России: утв. приказом МЧС России от 11.04.2023 № 332.
22. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции: утв. протоколом заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 13.06.2017 № 47/7.
23. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2019 год.
24. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2020 год.
25. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2021 год.
26. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2022 год.
27. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2023 год.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM FOR COUNTERING CORRUPTION IN THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE CONTROL AND SUPERVISORY BODIES

Alieva Elmira Bashirovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Gavrilov Adam Solomonovich

Master's student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation;
Independent researcher

Abstract. The article examines the administrative and legal mechanism for countering corruption in the activities of executive control and supervisory bodies. It is argued that the increased corruption vulnerability of this sphere is caused by the combination of authoritative powers of officials, discretion in choosing enforcement decisions, and constant interaction with regulated entities. The paper considers normative, organizational, and procedural anti-corruption instruments, including standards of official conduct, prevention and settlement of conflicts of interest, anti-corruption review of normative legal acts, corruption risk assessment, digitalization of control procedures, and public oversight. It concludes that anti-corruption requirements should be sectorally specified with regard to the procedural nature of control and supervisory activities. The authors propose measures aimed at improving departmental rule-making and law enforcement in order to reduce corruption risks, increase the transparency of control procedures, and strengthen the external verifiability of decisions made by control and supervisory bodies.

Key words: corruption, state control, conflict of interest, corruption risks, anti-corruption review, public oversight.

References

1. On the Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Federal Law № 172-FZ dated July 17, 2009 (as amended on September 30, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 29. Art. 3609.
2. On the Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts: Decree of the Government of the Russian Federation № 96 dated February 26, 2010 (as amended on April 20, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 10. Art. 1084.
3. On Countering Corruption: Federal Law № 273-FZ dated December 25, 2008 (as amended on December 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (Part I). Art. 6228.
4. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law № 248-FZ dated July 31, 2020 (as amended on December 29, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (part I). Art. 5007.
5. On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation: Federal Law № 212-FZ dated July 21, 2014 (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 30 (part I). Art. 4213.
6. Filippova N.A. Public Inspector as a Participant in Public Control // Bulletin of Surgut State University. 2018. № 2(20). P. 155-160.

7. Kurindin P.A. Digitalization of Control and Supervision Activities as a Tool for Countering Corruption // *Administrative and Municipal Law*. 2024. № 3. P. 62-78.
8. Martynov A.V. The Impact of Digital Transformation on the Control and Supervision Activities of Executive Bodies // *Public Power in Modern Russia: Problems and Prospects: Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of V. M. Manokhin (June 8, 2021, Saratov)*. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2021. P. 32-56.
9. Zyryanov S.M. Administrative and Legal Status of an Officer of a Control and Supervisory Body // *Journal of Russian Law*. 2019. № 9. P. 100-110.
10. Tikhomirov Yu.A., Trikoz E.N. Law against Corruption // *Journal of Russian Law*. 2007. № 5(125). P. 39-52.
11. Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Anti-Corruption Standards of Official Conduct for Civil Servants // *Monitoring of Law Enforcement*. 2014. № 4(13). P. 26-33.
12. Dedov D. I. Conflict of Interests. M.: Wolters Kluwer, 2004. 272 p.
13. Nesterov A.I. The Anti-Corruption Standard – a New Category of the Russian Legal System // *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation*. 2016. № 2. P. 22-27.
14. Edkova T.A., Kichigin N.V., Nozdrachev A.F. [et al.]; Counteraction of Corruption in Federal Executive Bodies: Scientific and Practical Guide / ed. by Nozdrachev A.F. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2021. 184 p.
15. Berdnikova E.V. Legal approaches to the definition of public control // *Modern law*. 2016. № 3. P. 37-42.
16. Seleznev A.V. Administrative liability of subjects of control and supervision activities // *Journal of Russian law*. 2021. № 11. P. 102-116.
17. Kabanov P.A. Public Expertise as a Form of Public Control over the Activities of Public Authorities in the Field of Anti-Corruption: A Theoretical and Legal Analysis // *Politics and Society*. 2014. № 10. P. 1168-1183.
18. Yaryncev I.M. The Essence and Concept of Public Control as a Mechanism for Citizens' Participation in the Management of State Affairs // *State Power and Local Self-Government*. 2017. № 3. P. 29-35.
19. Malinovsky O.N., Goncharov V.V., Petrenko E.G. Public Inspection as a Form of Public Control in the Russian Federation: Current Issues and Development Prospects // *Police and Investigative Activities*. 2024. № 1. P. 1-13.
20. Map of corruption risks and measures to minimize them of the Federal Service for Labor and Employment: approved by Rostrud Order № 361-K.
21. Map of corruption risks of the Ministry of Emergency Situations of Russia and measures to minimize them in the implementation of supervisory and control functions assigned to the competence of the Ministry of Emergency Situations of Russia: approved by Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated 11.04.2023 № 332.
22. Methodological recommendations for assessing corruption risks in federal executive authorities performing control and supervisory functions: approved by the minutes of the meeting Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects dated 13.06.2017 № 47/7.
23. Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of cases of administrative offenses in 2019.
24. Report on the work of the courts of general jurisdiction on the consideration of cases of administrative offenses for 2020.
25. Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of cases of administrative offenses for 2021.

26. Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of cases of administrative offenses for 2022.
27. Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of cases of administrative offenses for 2023.